

От научной фантастики к паранаучной фантазматике?

А. Ю. Долгих

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
E-mail: regis-iii@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена состоянию русской фантастической литературы конца XX – начала XXI в. Показаны основные составляющие соответствующего сектора книжного рынка в современной России. Предложено новое обозначение литературы с высокой долей художественного и околонаучного вымысла (а именно «фантазматика»), в большей степени, по мнению автора, соответствующее ее нынешнему этапу развития. Для последнего характерен ощутимый отход от науки и сдвиг в сторону магии, легкой мистики и даже простой сказочности (фэнтези). Другой очень большой, но, к сожалению, столь же малосодержательной и тоже далекой от науки (хотя иногда и наукообразной) ветвью жанра сейчас являются так называемые боевики, то есть романы действия, а не размышления, обычно с эсхатологическим уклоном. Причины этого: общая гуманитарная ситуация, часто характеризующаяся как постмодернистская, в которой мировоззренческие вопросы отошли на второй план, уступив место внешней эффектности; следование писателей образцам западной фантастики, в которой занимательность преобладает над содержательностью; коммерциализация книжного рынка, вынужденное угождение авторов вкусам толпы; снижение уровня литературной критики и общее сокращение ее объемов и влияния. В качестве отправной точки в статье взяты фантастиковедческие работы известного писателя-фантаста Георгия Гуревича (1917–1998).

Ключевые слова: фэнтези, боевики, магия, эсхатология, LitRPG.

Главная идея данной статьи состоит в следующем: история научной фантастики на сегодня завершилась; то, что по инерции проходит сейчас под этим обозначением, есть на самом деле уже нечто другое, соответственно и именовать его желательно иначе. Проблемы, которые далее будут затронуты, носят, однако, не только литературоведческий, но и мировоззренческий, а также социально-философский характер. Массовое смещение акцентов даже в традиционных фантастических сюжетах, не говоря уже о смене фантастических «парадигм», что тоже имеет место, свидетельствует о существенных сдвигах в обществе и умонастроениях людей.

Известный писатель-фантаст и теоретик этого вида литературы Георгий Гуревич в кратком очерке «Понимать фантастику» (1984) приводит такие мнения, с которыми ему, по-видимому, приходилось сталкиваться: фантастика – это литература крылатой мечты, художественного предвидения, занимательного изложения науки, новых идей, научной романтики; это приключения с элементами фантазии; разновидность гротеска; круг тем, а не отдельный жанр; один из приемов художественного человековедения; изображение человека и общества будущего [4, с. 626].

В книге «Беседы о научной фантастике» (1983) Гуревич предложил классификацию произведений этого направления, в основе которой была такая мысль: фантастическое может быть содержанием книги («фантастика-тема» в терминологии Гуревича), а может быть только формой («фантастика-прием»).

Фантастика-тема подразделяется у Гуревича на такие подвиды: 1) фантастика чистой мечты (Ж. Верн, А. Беляев, А. Грин); 2) фантастика научных идей (Г. Альтов); 3) лабораторная (В. Савченко); 4) производственная, или трудовая (Б. Келлерман, А. Казанцев); 5) фантастика предостережения, или антиутопия (Г. Уэллс, И. Варшавский, С. Гансовский); 6) утопия (Платон, Т. Мор, И. Ефремов). Фантастика-прием, в свою очередь, бывает такой: 1) познавательная (В. Обручев); 2) приключенческая (П. Багряк); 3) психологическая (И. Гете, К. Булычев); 4) сатирическая (Ф. Рабле, Дж. Свифт, В. Маяковский); 5) политическая сатира (Ф. Рабле, Дж. Свифт, К. Чапек) [5, с. 38].

Представленную типологию Гуревич не выдвигает в качестве всеобъемлющей (хотя, по нашему мнению, для XX в. она приближается к ней), в качестве такой, которая охватывала бы

все возможные разновидности фантастики, что соответствует его открытому определению этой литературы, – насколько вообще определение может быть открытым, то есть, по сути, лишенным предела.

Но глядя на современную «фантастическую» литературу, мы не находим ничего или почти ничего из этого. Каков книжный рынок научной фантастики в России сегодня? Здесь можно выделить несколько, если это можно так назвать, «литературных потоков».

Существует очень и очень большое направление, прямо скажем, довольно бессмысленных, бездумных боевиков, которые выходят под грифом «фантастика», кажется, только потому, что в них присутствуют кое-какие фантастические элементы. Это многотомные серии «Боевая фантастика», «Фантастический боевик», «Русский фантастический боевик», «Новый фантастический боевик», «Фантастика ближнего боя», «Сталкер», «Кремль 2222», «Метро 2033», «Новые герои» и еще некоторые. Слово «фантастика» здесь, по сути, прилагательное (даже если синтаксически все оформлено наоборот), а существительное, то есть главное слово, – «боевик». Называть авторов, работающих в рамках этих серий, практически не имеет смысла: к сожалению, они все почти на одно лицо. Когда человек приходит в такой книжный «проект», для него важно «встроиться в систему», написать что-то в русле того, что уже до него написано; поэтому степень оригинальности новых произведений не растет и даже не остается постоянной – она падает!

Если все-таки говорить о содержании, то часто это книги с эсхатологическим уклоном: третья (четвертая, пятая) мировая война – атомная, информационная, бактериологическая, реже космическая. Образ будущего набросан крайне схематично; главное – действие, действие, действие. О науке вообще говорить не приходится.

Более или менее выделяется из этой однородной массы разве что серия «Сталкер», да и то лишь потому, что в ней разрабатывается замысел повести «Пикник на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких (см., например, [2; 11; 15]).

Другое направление – книги, созданные на основе компьютерных игр (так называемое LitRPG, то есть Literary Role-Playing Game / Литературная ролевая игра). Эстетика тут примерно такая же, как в предыдущем случае. Но ощущается сильный «игровой привкус»: периодически на страницах такой книги читателя извещают, что герой прошел такие-то этапы испытания, получил такие-то «повреждения», набрал столько-то очков, «здоровья», «способностей», «оружия» и т. п. (например, [7; 8; 10]).

Третье направление – магия вперемешку с любовью, что-то вроде фантастического женского романа. Оно представлено, например, такими сериями, как «Волшебная академия», «Академия магии», «Фэнтези – Любовный роман – Приключения / Юмор», «Любовь и магия», «Другие миры», «Колдовские миры» (например, [1], [3], [6], [9]).

Вышеупомянутый Георгий Гуревич составил в свое время перечень способов «забрасывания» героев научно-фантастического произведения в будущее: 1) встреча земных космонавтов с инопланетной цивилизацией, сильно опередившей нашу; 2) замедление времени при субсветовых скоростях: космонавты, возвращаясь после продолжительного полета на Землю, обнаруживают, что там прошли уже десятки и сотни лет; 3) машина времени; 4) сон, или так называемый анабиоз: человек глубоко засыпает и пробуждается через много-много лет; 5) общение с предсказывающей машиной; 6) просто воображаемое путешествие в грядущее; 7) отсутствие приема – когда читатели видят другое время как бы глазами людей, его населяющих [5, с. 84–85].

«...Первые шесть приемов позволяют рассматривать будущее глазами наших современников, а седьмой позволяет писателям показывать через внутренний мир человека будущего» [5, с. 85].

Да, все это так, но, поистине, Гуревич не знал, что скоро все эти способы уйдут в тень некоего новоиспеченного – «Шел, упал, очнулся – и ты на средневековом рыцарском турнире». Или: «Устал, уснул, проснулся – и ты на поле битвы за Сталинград (за Берлин и т. п.)». И тому подобное. Как происходит такое перемещение – не имеет значения! Это тоже своего рода отсутствие приема, получившее устойчивое и совсем неизящное жаргонное название. С ним связана еще одна «большая» тема «новой русской фантастики» – альтернативная история. Очевидно, герой, непонятно как заброшенный в гущу событий времен испанского завоевания Америки, русско-татарских войн или крестовых походов, своим появлением и присутствием будет неизбежно менять ход истории. Что он с удовольствием и делает. Есть, как обычно, и соответствующие серии книг, например «Фантастическая история», хотя этот сюжетный поворот вышел далеко за рамки какой бы то ни было отдельной серии: он встречается повсеместно.

Показательно, конечно, – и это стоит подчеркнуть особо, – что здесь перемещение происходит, как правило, не в будущее, а в прошлое. Это тоже символ нашей эпохи: фантастика стала едва ли не больше смотреть назад, чем вперед! Еще одно подтверждение тому – необычайный расцвет упомянутого жанра фэнтези, который есть, по сути, не что иное, как изображение альтернативного (обычно сказочного) прошлого в некоем параллельном мире (реже в будущем). А нередко это вообще никак не оговаривается: просто изображается некая необычная обстановка с чудесами, волшебством и прочей сказочностью.

Любопытно, впрочем, что одним из первых (а может быть, и самым первым) вышеописанный сюжетный ход с почти мгновенным перебрасыванием персонажей в иную эпоху применил еще Марк Твен в романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889) [14]. Это произведение, по-видимому, довольно часто расценивается как одна из вершин начального периода развития фантастики [18, с. 550]. Встречается данный прием и у Герберта Уэллса в романе «Люди как боги» (1923) [16].

И наконец, научно-фантастическая классика, то есть переиздание произведений авторов советского времени – Александр Беляев, Владимир Обручев, Иван Ефремов, братья Стругацкие, Кир Булычев и многие другие. Авторы здесь действительно много, но, если посмотреть на прилавки книжных магазинов, можно обнаружить, что занимают их книги явно меньшую часть этих прилавков – от силы одну пятую. И это, собственно, все! Это, по большому счету, и есть весь наш (русский) научно-фантастический книжный рынок.

С 90-х гг. в некоторых околотературных кругах много говорится о том, что советская фантастика якобы была заидеологизирована, однообразна и даже уныла, но, если присмотреться, современная русская фантастика разнообразием ее никак не превосходит. И идеологическая составляющая в ней тоже налицо: обычно это некий социальный дарвинизм – «все против всех, каждый сам за себя и побеждает сильнейший».

Практически исчезла так называемая естественнонаучная фантастика, социальная фантастика с гуманитарным уклоном, утопия и антиутопия (не бездумные схематичные «стрелялки» на карикатурно выжженной и разоренной Земле, а настоящая антиутопия!). Не слишком прижились на русской почве и чисто западные по своему происхождению жанры – космическая опера (звездные войны) и так называемый киберпанк. Таким образом, сокращение жанрового разнообразия налицо – все подмяли под себя грубые («мужские») боевики и приторно сладкие («женские») волшебные приключения.

Процветает, как и в советское время, самиздат – в основном цифровой, хотя есть и печатный: поскольку издательства принимают произведения лишь определенной направленности, причем весьма узкоограниченной, все, кто не укладывается в это прокрустово ложе, вынуждены издаваться самостоятельно. Но многие, вероятно, даже и не стремятся ко книжным изданиям своих творений. Произведения, выложенные в Интернете, страдают прежде всего слабостью стилистической и чисто грамматической обработки, что делает их иногда просто нечитаемыми...

Называя новую литературу «фантазматикой», мы достигаем одновременно двух целей – отмечаем ее родство с фантастикой и в то же время подчеркиваем призрачность и извращенность ее содержания по отношению к действительности: фантазматика творит заведомо ложные образы, а наукой только прикрывается.

В сущности, мы используем здесь стоическую терминологию. Согласно учению Стои, всякое содержание мышления есть отпечаток в душе, а отпечаток – это либо «фантазия» (*fántasma*, представление), либо «фантасма» (*fantasía*, призрак). Одно от другого помогает отличить «каталептике фантазия» (*katalhptikḗ fantasía*, постигающее представление) [17, с. 23–40]. С этим последним есть, конечно, определенные трудности. Так, с точки зрения скептиков и средних академиков, нет вообще никакого «*каталептике фантазия*», ибо нет такого истинного на сегодня представления, которое не могло бы обернуться ложью (см., например, [12, с. 91–92]). Поэтому скептик говорит: разница между «*фантазия*» и «*фантасма*» сама весьма призрачна. Но это скептик!..

Между тем огромная разница между фантастикой XX в. и ее нынешним подобием совершенно очевидна. И она не нуждается в определении (не в терминологическом обозначении, а именно в определении, то есть в подведении под более общий род с указанием отличии-

тельных признаков данного вида внутри данного рода). На примерах же современных жанров фантастики это было описательным образом показано выше.

С социально-философской точки зрения, причины указанного поворота в сфере литературы, содержащей высокую долю художественного и околонаучного вымысла, с большой вероятностью следующие:

1. Общая гуманитарная ситуация (характеризующаяся часто как постмодернистская или, во всяком случае, переходная от постмодернизма к некоему пока еще неоформленному, несформировавшемуся образу мысли и жизни), в которой мировоззренческие вопросы отошли на второй план, уступив место чисто внешней эффектности.

2. Следование (с 90-х гг. XX в.) новых русских фантастов образцам западной фантастики, в которой давно уже занимательность резко преобладает над содержательностью.

3. Снижение интеллектуального уровня читателей, которые к тому же в условиях рынка (чего не было раньше в Советском Союзе) стали выступать заказчиками всей этой «музыки», их любовь к чисто развлекательному чтению и вынужденное подстраивание издателей и писателей под вкусы толпы. Если раньше писатель (а он был, конечно, человеком более образованным, более тонко мыслящим и чувствующим) подтягивал читателей до своего уровня, то сейчас, фактически, читатели низводят писателя до своего. В последнем и состоит один из главных результатов внедрения «рыночных отношений» в искусство. Как сказал Станислав Лем, «...писатель на Западе является работающим по заказу ремесленником, который должен в кратчайшее время написать как можно больше текстов. Речь идет лишь о том, как их продать. <...> Профессиональная и материальная мотивация приводит к кошмарным результатам, потому что со временем даже подававший большие надежды писатель начинает производить “метраж”» [13, с. 254]. С 90-х гг. XX в. все это стало нормой и для России.

4. Молчание литературной критики, которая либо не рискует становиться на пути «паровоза истории», либо считает, что победителей не судят (что почти то же самое), либо сама с удовольствием поглощает эту сомнительную продукцию.

Список литературы

1. Валентеева О. Факультет чудовищ. С профессором шутки плохи. М. : АСТ, 2018. 320 с.
2. Вольнов С. Зона посещения. Живая легенда. М. : АСТ, 2017. 352 с.
3. Гончарова Г. Магический универ. Дорога домой. М. : Изд-во Э, 2017. 384 с.
4. Гуревич Г. Понимать фантастику // Мир приключений, 1984. М. : Дет. лит., 1984. С. 626–638.
5. Гуревич Г. Беседы о научной фантастике. М. : Просвещение, 1983. 112 с.
6. Карелова В. Академия истины. М. : АСТ, 2017. 320 с.
7. Князев М. Потерянные Земли. М. : ЭКСМО, 2015. 384 с.
8. Кучеренко В. Головоломка. М. : Изд-во Э, 2016. 352 с.
9. Лисина А. Академия высокого искусства. Адептка. М. : АСТ, 2017. 320 с.
10. Михайлов Д. Господство клана Неспящих. Ультиматум. М. : ЭКСМО, 2015. 384 с.
11. Романецкий Н. Питерская зона. Ментол. М. : АСТ, 2017. 320 с.
12. Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 61–376.
13. Так говорил... Лем. М. : АСТ, АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 764 с.
14. Твен М. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. СПб. : Азбука, 2015. 384 с.
15. Точинов В. Третье пришествие. Звери Земли. М. : АСТ, 2017. 352 с.
16. Уэллс Г. Люди как боги. М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011. 352 с.
17. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики. М. : «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 1998. 234 с.
18. Энциклопедия фантастики / под ред. Вл. Гакова. Минск : Галаксиас, 1995. 694 с.

From science fiction to parascientific fantasy?

A. Yu. Dolgikh

PhD of philosophy, associate professor of philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov.

E-mail: regis-iii@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the state of the Russian fantastic literature in the late 20th – beginning of the 21st century. There is shown the main components of the corresponding sector of the book market

in modern Russia. A new designation of the literature with the high share of artistic and pseudo-scientific fiction (namely, "fantasmaticy") is proposed. This designation, according to the author, corresponds to a greater extent to the fiction current developmental stage. The latter is characterized by the tangible departure from science and by the shift towards magic, easy mysticism and even simple fairy-tale (fantasy). Another big, but, unfortunately, equally insipid and distant from science (though sometimes science-like) branch of the genre is now the so-called militants, that is action novels, not reflection-novels, usually with some eschatological bias. The reasons for this are: the general humanitarian situation, often described as the postmodern, in which the worldview issues have receded into the background, giving way to pure external showiness; the adherence of writers to the examples of the Western fiction, in which entertaining prevails over inner richness; the commercialization of the book market, the forced servility of authors to the tastes of the crowd; the decrease in the level of the literary criticism and the general reduction of its volume and influence. As the starting point in the article, the fiction studies of the famous science fiction writer Georgy Gurevich (1917–1998) are taken.

Keywords: fantasy, action, magic, eschatology, LitRPG.

References

1. Valenteeva O. *Fakul'tet chudovishch. S professorom shutki plohi* [Faculty of monsters. The Professor is not to be trifled with]. M. AST. 2018. 320 p.
2. Vol'nov S. *Zona poseshcheniya. Zhivaya legenda* [Zone of visits. Living legend]. M. AST. 2017. 352 p.
3. Goncharova G. *Magicheskij univer. Doroga domoj* [Magic university. Road home]. M. Publishing House E. 2017. 384 p.
4. Gurevich G. *Ponimat' fantastiku* [To understand science fiction] // *Mir priklyuchenij, 1984 – World of adventure*. 1984. M. Children. lit. 1984. Pp. 626–638.
5. Gurevich G. *Besedy o nauchnoj fantastike* [Talk about science fiction]. M. Prosveshchenie. 1983. 112 p.
6. Karelova V. *Akademiya istiny* [Academy of truth]. M. AST. 2017. 320 p.
7. Knyazev M. *Poteryannye Zemli* [Lost Land]. M. EKSMO. 2015. 384 p.
8. Kucherenko V. *Golovolomka* [Puzzle]. M. Publishing house E. 2016. 352 p.
9. Lisina A. *Akademiya vysokogo iskusstva. Adeptka* [Academy of high art. Adept]. M. AST. 2017. 320 p.
10. Mihajlov D. *Gospodstvo klana Nespyashchih. Ul'timatum* [Domination of the clan of the Sleepless. Ultimatum]. M. EKSMO. 2015. 384 p.
11. Romaneckij N. *Piterskaya zona. Mentol* [St. Petersburg zone. Menthol]. M. AST. 2017. 320 p.
12. *Sextus Empiric. Protiv uchenyh* [Against scientists] // *Sextus Empiric. Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vol.] M. Mysl'. 1976. Vol. 1. Pp. 61–376.
13. *Tak govoril... Lem – So said... Lem*. M. AST, AST MOSKVA, KHRANITEL'. 2006. 764 p.
14. *M. Twain YAnki iz Konnektikuta pri dvore korolya Artura* [A Connecticut in King Arthur's Court]. SPb. Alfabeta. 2015. 384 p.
15. *Tochinov V. Tret'e prishestvie. Zveri Zemli* [The Third coming. Beasts of the Earth]. M. AST. 2017. 352 p.
16. Wells G. *Lyudi kak bogi* [Men like Gods]. M. AST: Astrel: Polygraph. 2011. 352 p.
17. *Fragmenty rannih stoikov. T. 1. Zenon i ego ucheniki* – Fragments of the early Stoics. Vol.1. Zeno and his students. M. "Greco-Latin Cabinet of Y. A. Shichalin". 1998. 234 p.
18. *Fragmenty rannih stoikov. T. 1. Zenon i ego ucheniki* – Encyclopedia of science fiction / ed. by V. I. Gakov. Minsk. Galaxias. 1995. 694 p.